

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI 10.17223/19986645/17/11

Н.В. Жилякова**«В ЗАЩИТУ УМСТВЕННОГО ЦЕНТРА»: ПОЛЕМИКА
«СИБИРСКОГО ВЕСТНИКА» И «ГРАЖДАНИНА» ПО ПОВОДУ
ОТКРЫТИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1888 г.)**

В статье впервые подробно анализируется дискуссия 1888 г., развернувшаяся на страницах Санкт-Петербургской газеты «Гражданин» и томского «Сибирского вестника». Проверяются методы и приемы ведения газетной полемики в дореволюционной газетной периодике, анализируется система представлений о Сибири в российских консервативных кругах.

Ключевые слова: университет, полемика, «Гражданин», томская журналистика.

Важным источником для изучения истории общественного и культурного сознания Сибири являются материалы русской дореволюционной периодической печати. Одна из актуальных проблем становления и развития регионального сознания отразилась в полемике, развернувшейся в 1888 г. между столичной газетой «Гражданин» и томской газетой «Сибирский вестник» по поводу открытия первого университета в Сибири.

Изучение материалов этой дискуссии представляется чрезвычайно значимым для характеристики состояния русской общественной мысли и журналистики 1880–1890-х гг. в силу того, что рамки обсуждения вопроса об организации учебного заведения в городе Томске оказались развернутыми до масштаба общероссийских проблем: обсуждались пути общественно-политического развития страны и место в этом процессе сибирского региона, отношения «центра» и «провинции», концепция российского образования (на либеральной или демократической основе оно должно строиться) и т.д. Наконец, сама дискуссия 1888 г., ее содержание и формы ведения полемики, представляют научный интерес как звено процесса формирования регионального сознания в общероссийском контексте, как материал для изучения типов газетных изданий.

Открытие первого сибирского университета было затруднено многочисленными препонами, связанными во многом с отношением к этому региону как месту ссылки, не нуждающемуся, по логике царского правительства, в собственном высшем учебном заведении. Основанный еще в 1878 г., Императорский Томский университет начал свою работу только в 1888 г. Однако у столичных публицистов консервативного направления все еще оставались сомнения в правильности открытия университета в Сибири, о чем они не замедлили заявить на страницах влиятельной газеты князя В.П. Мещерского «Гражданин». В защиту нового «очага просвещения» выступила сибирская пресса – газета «Сибирский вестник», в это время оставшаяся единственным частным изданием в Томске.

Судьба томской периодики в 1888 г. складывалась драматически. Обе частные газеты Томска, «Сибирская газета» и «Сибирский вестник», не имели возможности в полной мере осветить такое выдающееся событие – открытие Императорского Томского университета. Редакция «Сибирской газеты» не была приглашена на торжество, так как заслужила прочную репутацию «вредного», политически неблагонадежного издания. «Университетский номер», подготовленный «Сибирской газетой» (№ 55 от 22 июля 1888 г.) и следующий за ним (№ 56 от 24 июля 1888 г.) – стали последними в истории издания, после этого газета была приостановлена на 8 месяцев, а затем окончательно закрыта.

«Сибирский вестник» в том же 1888 г. был приостановлен на 4 месяца (с мая по сентябрь) и не имел возможности публиковать материалы об открытии и первом месяце работы университета. Однако уже в первом номере газеты, возобновившейся после приостановки, «Сибирский вестник» в фельетоне «Чем мы живы. В Томске» акцентировал внимание читателей на «событии громадной важности – открытии Томского университета»: «Это событие – единственное во всей исторической жизни Сибири, ибо если бы даже открыли у нас еще десять высших школ, то они будут вторая, третья, четвертая и т.д., а не *первый* Сибирский университет» (СВ. 1888. № 51). Освещение же торжества в столичной прессе, считал «Сибирский вестник», не отражало всей его значимости. По сведениям томской газеты, «в петербургских газетах появился ряд корреспонденций об открытии университета и по поводу его открытия. Все они, по обыкновению, не только казенны, но, главное, писаны людьми совершенно не знающими условий нашей местной жизни». Именно в незнании края, считали публицисты, заключалась главная проблема – «как редакциям петербургских газет знать дух нашего края, когда они даже не знают элементарной сибирской географии» (СВ. 1888. № 51).

Обзор газет за 1888 г. показывает, что доля истины в заявлении «Сибирского вестника» была. Действительно, в ряде газет были помещены только стандартные «приветствия» новому университету (см., например: Новое время. 1888. № 4454. Рубрика «Телеграммы Северного телеграфного агентства»). Однако не все столичные издания формально подошли к делу освещения торжества открытия первого сибирского университета: здесь лично побывал корреспондент газеты «Гражданин», который изложил свои впечатления в объемном материале этого издания. Этот материал озаменовал начало длительной полемики между «Гражданином» и «Сибирским вестником», поводом к которой послужило торжество открытия. Но в действительности на первый план вскоре вышла проблема духовной и культурной самостоятельности Сибири и так называемого сепаратизма, в котором столичная газета неустанно обвиняла сибиряков.

Появление в «Гражданине» материалов о сибирском университете нельзя назвать случайностью. Анализ содержания газеты в 1888 г. свидетельствует о том, что издание постоянно писало о проблемах высшего образования в России, о российском студенчестве и о русской профессуре (см. передовые статьи «О профессорах университета» – 1888. № 13; «Студенчество и общество» – 1888. № 39; «К вопросу о наших университетах» – 1888. № 51; «Наши деревенские университеты» – 1888. № 61). «Гражданин» высказывал озабо-

ченность и тревогу по поводу процесса политизации и демократизации студенческой массы: «...профессор перестал быть авторитетом», столицы оказывают «крайне пагубное влияние на молодого человека», и если бы университеты находились в провинции, юноши гораздо реже попадали бы на «ложный путь, столь гибельный для нашей способной и развитой молодежи» (Гражданин. 1888. № 14, 49). Мысль о «перемещении наших университетов в провинцию» достаточно сильно занимала публицистов «Гражданина», и это, несомненно, сыграло свою роль во внимании, с которым отнеслась газета к новому провинциальному университету России.

Об открытии Сибирского университета «Гражданин» впервые написал в № 204 от 24 июля 1888 г.: в рубрике «Телеграммы» была дана информация о событии, а в «Дневнике», который вел в газете сам Мещерский, выразилось отношение к новому учебному заведению. Если часть публицистов, как уже было отмечено, считали желательным развитие провинциальных университетов, то В.П. Мещерский писал: «Вчера для Сибири был знаменательный день: открытие томского университета... От "Гражданина" ждать приветствий этому событию вряд ли кто будет, ибо как прежде я говорил, так и теперь я повторяю, что по добросовестному, а не обманному расчету нужд на всю Россию достаточно двух-трех университетов, а что все остальные – это только побрякушка духу века и вернейшее средство разводить людей с верхушками высшего образования, ни на какое практическое дело не годных, и ни на какое научное дело не нужных» (Гражданин. 1888. № 204). Мещерский выражал уверенность в том, что его мнение разделяют тысячи людей, «но никто не смеет его высказывать из страха газетных жидов и прогрессистов». Относительно сибирского университета князь высказывал опасения, что здесь «начнется вначале царство жида и поляка, а потом разных азмов», при этом обнаружил неосведомленность относительно структуры сибирской администрации: Мещерский почему-то считал, что Томск, в отличие от Омска, «осуществляется в ведении одного вице-губернатора».

В № 206 от 26 июля в разделе «Хроника» «Гражданин» поместил информацию о телеграмме попечителя Западно-Сибирского округа В. Флоринского императору, ответ государя и собственно текст телеграммы, а в № 209 от 29 июля 1888 г. газета напечатала в качестве передовой статью «Трепет невежества», подписанную «Недавно бывший в Сибири». Корреспондент «Гражданина» оповещал читателей, что он «сам видел это святилище истины и, побывавши в Сибири, имел случай приглядеться к некоторым характерным особенностям страны», а потому считал, что «благоразумные люди должны теперь печалиться», а не радоваться новому университету. Автор однозначно характеризовал сибирский университет как «новое поприще для всяких бессмысленно-стадных волнений среди незрелой молодежи». Пессимистически оценивал корреспондент столичной газеты и тот факт, что в дело основания университета были вложены значительные частные пожертвования, так как, по его мнению, в Сибири «побуждением жертвовать служит серое, безграмотное стремление разжившегося кулака, который до самой смерти считал в доме все свечные огарки, разом в завещании отвалить крупную сумму на совершенно недостижимое для его ума дело, благо печать его за это превознесет до небес». Сибирские купцы, по мысли автора корреспонденции, «выставили

себя напоказ в неуместно-смешной роли проводников высшего образования», совершенно лишнего в крае, где «население состоит еще из полудикарей и находится под вечным притоком растлевающих ссыльных элементов». Корреспондент прямо указывал, что, по его мнению, в Томске «не было надобности воздвигать величественное здание, размерами превосходящее все другие русские университеты», так как теперь здесь «получится уединенный уголок, где до времени, под знаменем науки будут процветать революционные идеи и мечты о самостоятельной Сибири». Он не сомневался, что «в результате жалеть придется и погибающих юношей, и опошленный университет, и бесполезно растраченные на него капиталы». Особенную тревогу вызывал у «Недавно бывшего в Сибири» возможный расцвет сепаратизма, который «выступит во всеоружии своей протестующей против централизма проповеди»: это «не может подлежать ни малейшему сомнению для того, кто знаком с духом и тенденциями сибирской прессы, кто наблюдал за неприязнью, с которой туземцы относятся ко всему "российскому", точно они не дети той же самой могучей матери» (Гражданин. 1888. № 209).

Ответ на июльскую корреспонденцию «Гражданина» «Сибирский вестник» дал только после возобновления издания, в № 54 от 11 сентября 1888 г. По сути, именно эту публикацию можно считать началом полемики: до этого «Гражданин» высказывал свои соображения в режиме монолога. Томский автор в продолжающемся фельетоне «Чем мы живы» отмечал, что столичная печать уделяет чрезвычайно мало внимания сибирским делам, а если же известия о Сибири попадают на страницы крупных российских изданий, то они нередко оказываются неверно понятыми или ошибочными. В итоге «простая местная жизнь» для столичных газет оказывается «труднее и недоступнее», чем «смысл сложного политического и общественного интереса любой европейской страны». Именно поэтому, считал фельетонист, корреспондент «Гражданина», присутствуя на торжественном открытии первого университета в Сибири, вынес из этого события совершенно ложное впечатление о том, что «университет в Сибири будет орудием для достижения целей сибирского сепаратизма!!! [три восклицательных знака поставлены «Сибирским вестником】». «Сибирский вестник» подчеркивал, что «ни один разумный человек в Сибири уже давно не верит в эту нелепую идею», более того – «так называемый "сепаратизм" перестал быть даже литературной игрушкой, и о нем у нас уже не только всерьез не говорят, но даже им и не шутят». С точки зрения фельетониста, в этом и заключалось основное различие в понимании ситуации: сибирские публицисты были уверены, что Томский университет станет «могучим орудием для развития и укрепления вековой народной связи Сибири с Россией путем научного единения, научных задач и стремлений», а «"вольный турист" "Гражданина"» высказывал свои «патриотические опасения», для сибиряка «смешные и забавные» (СВ. 1888. № 54).

В следующем номере «Сибирского вестника» (№ 59 от 23 сентября 1888 г.) тема полемики с «Гражданином» была вынесена уже на первую полосу, в виде передовой статьи. Обосновывая это решение, газета отмечала, что «русская печать не удостоила вниманием громких тирад "Гражданина", и только одни "Санкт-Петербургские ведомости" напечатали ему небольшую реплику». Но сибирские публицисты, считала томская газета, не могут ос-

таться в стороне: «Нам, живущим как раз подле новооткрытой Сциллы и Харибды, невозможно молчать по поводу эксцентричной статьи "Гражданина", которая, как и всякое мнение, конечно, найдет сторонников». Перечислив основные положения корреспонденции «Недавно бывшего в Сибири», «Сибирский вестник» снабдил их подробными комментариями. Так, на замечание «Гражданина» о жертвователях он писал: «Правда, Сибирь не Америка, но среди ее купечества попадаются личности энергические, с светлой головой, и мы смеем думать, что имена Демидова, Сибирякова и покойного Цибульского совсем не подойдут под ту мерку, какую заготовил для них предупредительный "Гражданин". Все трое принадлежат к людям далеко недюжинным, которым нельзя ничуть отказать в предприимчивости; их капиталы были нажиты упорным трудом, а не с неба свалились. Все трое хорошо смогли оценить значение капитала, как могучего двигателя, но отчетливо также сознавали, что капитал без науки мертв».

Публицист «Сибирского вестника» высказал сомнение, что Томский университет «превосходит величиною все прочие», и более того – он был уверен в том, что со временем университет будет нуждаться в дальнейшем расширении. Последовательно опровергнув утверждения «Гражданина» о том, что Томск – «деревушка», а сибиряки – «полудикари», «Сибирский вестник» снова акцентировал внимание читателей на вопросе о сепаратизме, еще раз подчеркнув, что опасность его сильно преувеличена. Таким образом, заключал публицист, «напрасно "Гражданин" строит постную физиономию плакальщицы на новом празднике русского просвещения», поскольку только «пылкая фантазия» столичного корреспондента поселила в университете «бессмысленное стадо революционеров и сепаратистов».

Ответом «Гражданина» стала передовая статья «Восторги сибирских публицистов», опубликованная в № 270 от 28 сентября 1888 г. Материалом для анализа в ней являются публикации возобновленного «Сибирского вестника», посвященные «новому рассаднику просвещения». Две фразы томского автора особенно привлекли внимание столичной газеты: о том, что «22 июля 1888 года исполнилась, наконец, заветная мечта сибирского обывателя, мечта, занимавшая лучшие умы России (?) [курсив и восклицательный знак поставлены «Гражданином»] и Сибири еще с начала текущего столетия <...>» и «Сибирь мало пережила подобных торжественных эпох в своей истории, и давно желанное открытие нашего университета тем более близко сердцу мыслящего человека, что оно намечает для Сибири начало новой эры – эры самостоятельного духовного развития (!!!) [три восклицательных знака поставлены «Гражданином»]. «Гражданин» прокомментировал их так: «Совершенно неожиданно и наивно сибирские публицисты сами дают гласное подтверждение тому, что высказывалось уже "лучшими умами России" задолго до наших дней, что польза русского государства, его *прочность и цельность* [курсив «Гражданина»] – требует предотвращения развития всякой местной обособленности, всяких замашек тех или иных окраин или областей играть роль каких-то римских "провинций" относительно русской "метрополии"». Столичный публицист усмотрел во фразе о «самостоятельном духовном развитии» призрак сепаратизма, о чем свидетельствуют его следующие размышления: «А что если кавказские, польские, балтийские, бессарабские,

крымские и иные публицисты начнут проповедовать о необходимости наступления эры "самостоятельного духовного развития" населения каждой из этих местностей? Духовное развитие русских людей должно быть единообразное и однородное и являться *самостоятельным* [курсив «Гражданина»] относительно культурного развития немцев, англичан, французов, но не своих же соотечественников, обитающих в ином углу России. Теперь же как раз находятся публицисты, которые более мечтают о насаждении в Сибири "самостоятельного культурного развития" по образцу быть может швейцарского или американского, и пуще всего боятся сходства и тождества этого развития с московским!» (Гражданин. 1888. № 270).

Значительное место посвятил «Гражданин» вопросам «экономии», связанной с открытием университета в Сибири, поскольку в нем предполагалось готовить чиновников для всех сибирских ведомств и учреждений, до сих пор выписываемых из Европейской России. Столичная газета утверждала, что об экономии в данном случае говорить не приходится, ведь «пройдет ни один десяток лет, пока казна истратит миллионы на опыт создания школы самостоятельного духовного развития в Сибири, пока из природных сибиряков сформируются заурядные представители "самостоятельного духовного развития", а в это время все придется посылать и назначать чиновников из Европейской России».

Даже сведения о составе первого студенческого набора, приведенные «Сибирским вестником», «Гражданин» истолковал как доказательство грядущего распространения сепаратизма среди российской молодежи. Столичная газета особо выделила фразу о том, что «значительное количество зачисленных в студенты семинаристов явилось в Томск из-за Урала», заметив при этом: «Выходит, значит, что сибирский университет будет снабжать своим самостоятельным духовным развитием совсем не коренных сибиряков, а молодежь "из-за Урала", то есть из Европейской России! Странно, почему же это молодым людям Пермской, Казанской, Вятской и Оренбургской губерний не мечтать о своем *самостоятельном* [курсив «Гражданина»] духовном развитии, а непременно воспринимать чуждое им самостоятельное сибирское духовное развитие?!» (Гражданин. 1888. № 270).

Мысль о том, что самостоятельность Сибири не нужна и откровенно вредна, повторялась в материале несколько раз, и тон публициста становился все более агрессивным. «Гражданин» упрекал сибиряков в «дерзости», утверждая, что «в те времена, когда меньше говорили и кричали о "самобытности", и люди науки в России, и университеты, и студенчество процветали у нас гораздо более, нежели теперь, когда всякое захолустье начинает дерзко претендовать на роль какой-то внутренней Болгарии по отношению к коренной России, ее создавшей, образовавшей, организовавшей и ей позволяющей теперь великодушно готовить "самостоятельное", какое-то духовное развитие!» (Гражданин. 1888. № 270).

«Сибирский вестник» в своих публикациях последовательно отстаивал право Сибири на университетское образование. В передовой статье номера 71 от 21 октября 1888 г. он ссылаясь на авторитет Петра Великого, который «впервые завел с великим Лейбницем речь об открытии провинциальных университетов; то же самое стремление определенно высказано было Алек-

сандром I». Томский автор указывал на абсурдное желание «Гражданина» приравнять «открытие провинциального университета к отделению данной провинции от государства»: напротив, считал он, наличие высшего учебного заведения «только больше скрепляло провинцию с центром, а та "научная самостоятельность", которую проявлял провинциальный университет, вела лишь к лучшему, подробному изучению России, к ее славе». В пример приводился Казанский университет, в котором был открыт восточный факультет, и «никому не приходило в голову, что с ним вместе возродится и "казанское царство" татар, но зато возродилось изучение богатой литературы Востока, и факультет процветал потому, что он имел под собою почву, еще и теперь населенную татарами и иными народами тюркского племени». «Сибирский вестник» утверждал, что он «не видит ничего дурного в том, если бы Кавказ, Крым и Бессарабия получили по университету, лишь бы только университеты эти честно служили на пользу местного края, России и науки: они только помогут более тесному слитию этих окраин с Россией».

Выступил «Сибирский вестник» и против утверждения «Гражданина» о том, что студенты из-за Урала в новом университете подвергнутся «вредному влиянию самостоятельного "сибирского духовного развития"». По этому поводу томская газета напомнила читателям, что «в том же "Гражданине", года два тому назад, князь Мещерский энергично ратовал за расселение факультетов существующих русских университетов по разным *уездным* [курсив «Сибирского вестника»] городам, во избежание скопления молодежи в главных уездах России». Изменение позиции столичной газеты получило следующую оценку «Сибирского вестника»: «Как тогда "Гражданин" говорил нелепости, так и теперь он рассуждает сплеча, выдвигая вперед тот призрак сепаратизма, окончательно сгладить который в местной сибирской жизни призван именно университет, как источник политического образования, политической логики и политического самосознания местного общества». Томский автор был уверен, что «единение местных студентов с уроженцами других местностей упрочит общий университетский дух, в смысле единства русского государства, несокрушимого извне и твердого внутри», а «не понимать это могут только мыслители "Гражданина", все благополучие русского народа строящие на народном невежестве».

Автор передовой статьи указал также на противоречие, возникшее у публицистов «Гражданина», которые, с одной стороны, говорят о неостребованности нового университета, с другой – протестуют против стремления поступить в него молодежи разных российских областей, настаивая на том, чтобы он «наполнялся только сибирскими уроженцами». В отношении будущих чиновников, которые, по мысли сибиряков, должны были воспитываться в местном университете, «Сибирский вестник» также не разделял опасений «Гражданина», считавшего, что это означает стремление «искоренить в Сибири русскую власть и заменить ее своею, "сибирскою"». То есть «Сибирский вестник», как и «Гражданин», обратился к обсуждению общественно значимых проблем: в дискуссии на первый план выдвинулись вопросы единства русского государства, сепаратизма, взаимоотношения центра и провинций, или метрополии и окраин, и т.д.

Так как до Сибири столичные газеты доходили с большим опозданием, статья «Сибирского вестника» с ответом на сентябрьский номер «Гражданина» вышла позже (21 октября 1888 г.), чем новый материал «Гражданина», вновь обращающийся к теме Томского университета (№ 275 от 3 октября 1888 г.). Статья «Гражданина» под названием «Праздные речи» (раздел «Странные вопросы») (Гражданин. 1888. № 275) была посвящена анализу обращения В.М. Флоринского, попечителя Западно-Сибирского учебного округа, к первым студентам нового университета - или, как пренебрежительно писал автор, «высших медицинских курсов в Томске, в здании, предназначенном для университета». Столичная газета высказывала мнение, что говорить было особо не о чем, ведь «все дело и вся будущность этого "рассадника" еще покрыты мраком» и «совсем неизвестно, послужит ли он на пользу или во вред государству и какие из него будут выходить люди и ученые». Поэтому «Гражданин» с особым интересом изучил речь Флоринского, процитировав в статье объемные выдержки из нее и выделив курсивом отдельные места, привлечшие наибольшее внимание столичных журналистов.

«Поздравляю вас, господа, первые студенты, а равно и всю университетскую коллегию, с новой духовною жизнью. Всем вам, *участникам этого исторического акта (!)* [курсив и восклицательный знак «Гражданина»], выпала завидная доля стать *во главе такого события (?)* [курсив и вопросительный знак «Гражданина»], которое невольно *связывает наши имена с историей народившегося университета* [курсив «Гражданина»]. Мы должны помнить это, и должны постараться сделать себя *достойными памяти потомства (!)* [курсив и восклицательный знак «Гражданина»]. <...> Много раз я участвовал и на главных праздниках наших университетов. Самым почетным гостем в этих случаях является старший по выпуску из бывших воспитанников университетской семьи. И чем больше является *таких корифеев (?)* [курсив и вопросительный знак «Гражданина»], тем выше стоят они в рядах просвещенного общества, тем больше славы и чести воспитавшему их учебному заведению.

И для вас, господа первые студенты Томского университета, придет такое время, как бы оно не казалось теперь отдаленным. Поэтому не забывайте, что *вам предстоит выступить в роли первых представителей воспитанников нашего университета* [курсив «Гражданина»]. Покажите себя достойными этого *исторического положения (!)* [курсив, вопросительный и восклицательный знаки «Гражданина»], поддержите честь и историческую память первого университетского курса! [курсив «Гражданина»].»

Речь В.М. Флоринского «Гражданин» охарактеризовал как «образец парламентского витийства», в котором «так много лести, много самохвальства и так мало скромности и дела». Столичный автор считал, что «в том-то и беда была всех наших университетов, то есть нашего студенчества, что оно само себя воображало призванным к какой-то *исторической роли* [курсив «Гражданина»]». С этим, по мнению «Гражданина», были связаны и студенческие волнения 1860-х годов – студенты считали, «что на нас мол *смотрит вся Европа*», и что поэтому мол нам нужно требовать и себе самим, студенчеству, да и *кстати уж* и всей России – *Конституции!* [курсив «Гражданина»]. Однако автор «Гражданина» имел свое видение задач, стоящих перед студен-

чеством: «Нет, не ради *исторической* роли может и *должна* учиться молодежь – а ради своей обязанности готовиться к тому, чтобы служить *Государю своему, народу и ближнему!* [курсив «Гражданина»]». Поскольку этого не говорится молодежи, то, считал «Гражданин», они считают свое обучение «историческим подвигом», и «немудрено, что многим, послушавшим таких речей, может показаться, что, для приобретения *исторической* [курсив «Гражданина»] славы гораздо лучше заниматься государственными переворотами?!..» (Гражданин. 1888. № 275).

Впечатления от приветствия Флоринского легли и в основу очередной записи в «Дневнике» князя Мещерского, который он вел на страницах «Гражданина» (№ 246 от 4 октября 1888 г.). Речь попечителя Западно-Сибирского учебного округа, признавался Мещерский, привела его в настроение «пасмурно-насмешливое»: издатель «Гражданина» оценил ее как «болтовню», вредную для высшей школы, поскольку она «отнимает у всякого учебного заведения его характер строго дисциплинированной школы, где не мнениями обменивается учитель и ученик, а где учитель учит, а ученик слушает и учится». Но все-таки основной упрек князя в отношении приветственной речи заключался в том, что, по мнению Мещерского, «погрузившись в странное размышление о том, что потомство скажет про пятьдесят студентов, присутствующих на открытии томского университета», Флоринский «совсем забыл, что на нем лежал долг <...> в ясных и точных словах указать молодежи ее обязанности: 1) относительно науки; 2) относительно поведения; 3) относительно начальства, и затем поставить новый университет с духом смирения и скромности и с чувством патриотизма с первого дня его существования в правдивые отношения ко всему государственному учебному строю, к местному быту, к правительству и к церкви, чтобы получишь впечатления верные, теплые и назидательные». Князь с возмущением писал о том, что «самым сильным местом в речи г. Флоринского явилась мысль, что эти первые студенты томской коллегии, в виде корифеев, должны быть достойны внимания потомства... Что это за фальшь... Что это за идеалы – внимание потомства...» (Гражданин. 1888. № 246).

Получив очередные номера газеты князя Мещерского и обнаружив в ней статьи, резко критикующие сибирский университет в целом и попечителя Западно-Сибирского округа в частности, Томск приготовил подробный ответ на выпады столицы, опубликованный в № 77 от 4 ноября 1888 г. «Сибирский вестник» снова подчеркнул, что он не обратил бы никакого внимания «на эти злостные нападки и подкапывание под новое, молодое учреждение, если бы более умная, толковая и правдивая печать дала своевременный отпор нелепым инсинуациям, нашедшим себе гостеприимный приют на страницах "Гражданина"». Поскольку же этого отпора нет, то томская газета считала, что на ее прямой обязанности «лежит на первых же порах разоблачить недостойную клевету и умышленное искажение фактов в деле развития русского просвещения и русской культуры в далекой, мало еще кому ведомой окраине» (СВ. 1888. № 77). По мнению «Сибирского вестника», князь Мещерский «прямо и смело объявил себя противником нашего университета и воспользовался первыми дошедшими до него сведениями о деятельности нового университета, чтобы перетолковать эти сведения в пользу своего предубеж-

дения, не справляясь с действительным положением дела и не церемонясь с фактами». Томские публицисты отмечали малочисленность источников информации, существующих у Мещерского, – это статья собственно «Сибирского вестника» об открытии университета и текст речи, произнесенной Флоринским перед началом учебного года, однако этого хватило «Гражданину», чтобы обрушиться на «Вестник» и на попечителя учебного округа «с целым арсеналом самых диких обвинений». Главным из них «Сибирский вестник» считал упрек в том, что попечителем «не было указано студентам на их обязанности перед Государем и Россией». Чтобы опровергнуть это обвинение, томская газета опубликовала обширную выписку из речи Флоринского:

«Как истинно русские люди, как будущие слуги отечества, они должны сохранить в себе и вынести в жизнь теплую любовь ко всему тому, что составляет святыню русского народа, чем живет и славится наша великая русская земля, что составляет наше драгоценное национальное достояние. Эти основные русские начала выражаются: *в православной христианской вере, в безграничной преданности самодержавному монарху, в единстве, целостности и нераздельности Русского государства и в уважении к историческим преданиям, задачам и стремлениям русского народа* [курсив «Сибирского вестника»]».

Этот и другой отрывки из речей Флоринского, считал «Сибирский вестник», «служат лучшим ответом на выходку князя Мещерского», и «только больной, расстроенный галлюцинациями ум» может интерпретировать по-другому слова попечителя. Томская газета напоминала читателям, что «ни один русский университет не возбуждал таких предубеждений и противодействий, какие выпали на долю первого университета в Сибири», и только «та сильная поддержка, которую, к счастью для Сибири, нашла неутомимая и убежденная в правоте защищаемого дела энергия В.М. Флоринского в высших правительственных сферах, только полное доверие Государя Императора к русским просветительным задачам на востоке создали здесь прочный умственный центр, все дело которого еще впереди». Именно поэтому, указывал «Сибирский вестник», Флоринский счел необходимым напомнить студентам об их «исторической ответственности за судьбу вновь созданного рассадника научного знания», ведь «враги Томского университета не спят и всегда готовы искать в нем Ахиллесову пяту». Высоко оценивая деятельность и достижения Флоринского, томская газета завершала свое выступление словами: «Надо удивляться, что еще находятся люди, подобно В.М. Флоринскому настолько сильные волею, настолько убежденные в правоте задуманного дела, что смело идут вперед к намеченной цели и не смущаются раздающимся вокруг карканьем злобных ворон и равнодушным молчанием более порядочной части общества» (СВ. 1888. № 77).

Мысль о «равнодушном молчании» по отношению к сибирским проблемам была повторена «Сибирским вестником» более развернуто в передовой статье «Отношение столичной печати к внутренним делам»: «"Большая" русская печать совсем забыла, по-видимому, что есть на белом свете такая страна, которая именуется Сибирью. Целые месяцы проходят, и вы не встретите в главных столичных газетах ни одной строчки, посвященной нашей окраине. Крупнейший факт последнего времени – открытие Томского университета,

факт, имеющий, бесспорно, общегосударственное значение, вызвал лишь обычные "приличные случаю" приветствия и, затем, вся печать дает "Гражданину" князя Мещерского полную свободу подкапываться под новое учреждение, едва отвоеванное во имя просветительных задач русского народа на востоке» (СВ. 1888. № 79). Этот отрывок подтверждает уже высказанное «Сибирским вестником» положение о том, что он сознает свою обязанность встать на защиту первого сибирского университета как единственный представитель частной томской периодики.

Анализ газетной полемики, продолжавшейся в течение почти полугода между «Гражданином» и «Сибирским вестником», позволяет сделать некоторые выводы.

Открытие Императорского Томского университета, первого высшего учебного заведения за Уралом, не стало предметом внимания центральной российской прессы, что само по себе свидетельствовало об индифферентном характере отношения «центра» к «провинции». Исключением стала газета «Гражданин», «специализировавшаяся» на проблемах российского образования. Позиция «Гражданина» носила консервативный, антидемократический характер, подогреваемый страхом регионального «сепаратизма».

«Сибирский вестник», отстаивая права Сибири на экономическое и общественное развитие, опирался на идею государственной значимости этого важного российского региона и связывал будущее Сибири с развитием просвещения. Открытие Императорского Томского университета газета приветствовала как событие общероссийского значения, поскольку рассматривала процессы развития Сибири в диалектически сложном и органически целостном единстве с «центром».

Полемика продемонстрировала высокий уровень культуры томской прессы, соответствующий городу, выбранному для основания первого за Уралом высшего учебного заведения. Методы ведения газетной полемики со стороны «Гражданина» оценивались томской газетой в таких выражениях, как «произвольно передергивая факты», «подыскивая невозможные догадки для уразумения того, что нами высказано вполне определенно», «искажены наши мысли и слова». В полемическом запале и публицисты «Сибирского вестника» позволяли себе такие характеристики столичной газеты и ее авторов, как «постная физиономия плакальщицы», «люди с безнадежно больным воображением и расстроенным умом» и ряд других, однако в целом томские публицисты выглядели более корректными, владеющими точной информацией и не бросающимися голословными обвинениями, так как в основе стратегии газеты по проблемам образования и развития регионального сознания лежала идея нерасторжимой связи Сибири с общероссийской историей и культурой.

Таким образом, полемика двух газет – петербургского «Гражданина» и томского «Сибирского вестника» – представляет собой интересный документ общественного и историко-культурного содержания, дающий дополнительный материал для истории открытия Императорского Томского университета и для исследования процессов формирования и становления сибирского регионального сознания.